Дмитрий Воскресенский

КАБИНЕТ КАСАНИЯ КАМНЯ

Китайская иллюстрированная газета эпохи Гуансюя

В Китае существует легенда о том, что во времена династии Цзинь (IV–V вв.) жил в Наньчане мудрый человек по имени Сюй Сюнь, обладавший разными удивительными способностями. Но, пожалуй, главным даром, сделавшим его знаменитым, стало магическое искусство превращения обыкновенного камня в золото. Благодаря этому дару он прославил не только себя, но и свой край, принеся ему благоденствие. Так появилась поговорка: «Коснулся камня – явилось злато». Впрочем, эти же слова имели отношение и к тайнам *сяньжэней* – небожителей, с деяниями коих были связаны многие волшебные истории древности. Впоследствии эту метафору потомки соотнесли с литературной деятельностью необыкновенно талантливых людей – словесников, из-под кисти которых рождались «золотые слова».

С выражением *дяньши* – «касание камня» связано название знаменитой шанхайской печатни (типографии и редакции) «Дяньшичжай», что означает «Кабинет касания камня» (или «Кабинет прикосновения к камню»). Эта печатня в 80-х гг. XIX в. начала издавать, пожалуй, самую знаменитую в Китае иллюстрированную газету. Её появление восприняли в обществе как небольшую сенсацию, поскольку новости теперь стали сопровождаться зрительными образами, мастерски выполненными и понятными иллюстрациями.

Дмитрий Николаевич Воскресенский – китаист-литературовед, профессор Литературного института им. А.М. Горького, доцент Института стран Азии и Африки при МГУ, член Союза писателей.

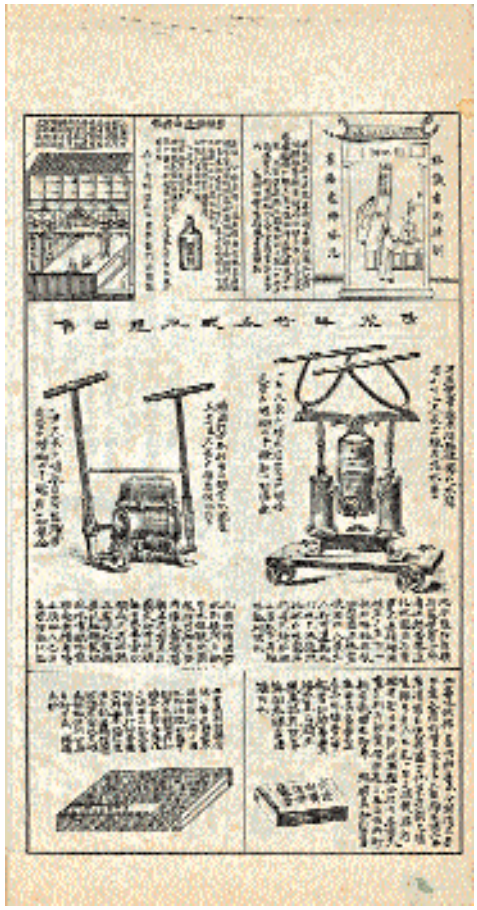
Первые газеты

Искусство печати в Китае имеет, как известно, многовековую историю и замечательные традиции. Что до газетно-журнального дела, то оно возникло лишь в XIX в. (если не считать правительственный вестник «Цзинбао», печатавший указы двора), причём даже не только в самом Китае, но и в регионах, где в разное время обосновалась многочисленная китайская диаспора: Малайя, Индонезия, Сингапур. Печатным делом занимались не только предприниматели, но и миссионеры, которым не чужд был и бизнес. Когда я жил в Сингапуре в 70-х гг. прошлого века, мне приходилось часто бывать в библиотеке Сингапурского университета, сохранявшего облик и колорит уютного английского колледжа. Там собрана замечательная коллекция книг о странах этого региона, среди прекрасного книжного собрания можно видеть и старые газеты, и журналы на китайском языке, от которых как бы исходит аромат прошлого.

В 30–40-х гг. XIX в. подобные издания появились и в самом Китае: Гонконге, Кантоне, Шанхае. Одно из них курировал (и был его редактором) известный миссионер-китаист Джеймс Легг. Именно он вместе с китайским литератором и публицистом Ван Тао начал переводить на английский язык китайские «сакральные книги», то есть каноны. Журнал, который Легг издавал в Гонконге, назывался довольно странно, но чисто по-китайски: «Связка жемчужин, далеких и близких». Впрочем, английское название журнала было понятно: «Chinese Serial». В 1856 г. в Шанхае возникло периодическое издание «Собрание бесед о Шести Соединениях» (английское название «Shanghai Serial»). «Шесть Соединений» (или «Шесть Единств») согласно китайским понятиям – это вся Вселенная, то есть Небо, Земля и четыре стороны света. Подобно этим наименованиям, название газеты «Дяньшичжай» – это не столько причуда учредителей, сколько дань китайским культурным традициям, что было важно для привлечения читателей.

Двое англичан, братья Мейджоры, в 70-х гг. стали выпускать в Шанхае газеты, ставшие своего рода «печатным лицом» Китая: «Хубао» и «Шэньбао» (*ху* и *шэнь* – сокращенные названия города Шанхай,

Реклама издательства «Дяньшичжай»: восточная традиция и западные новшества.

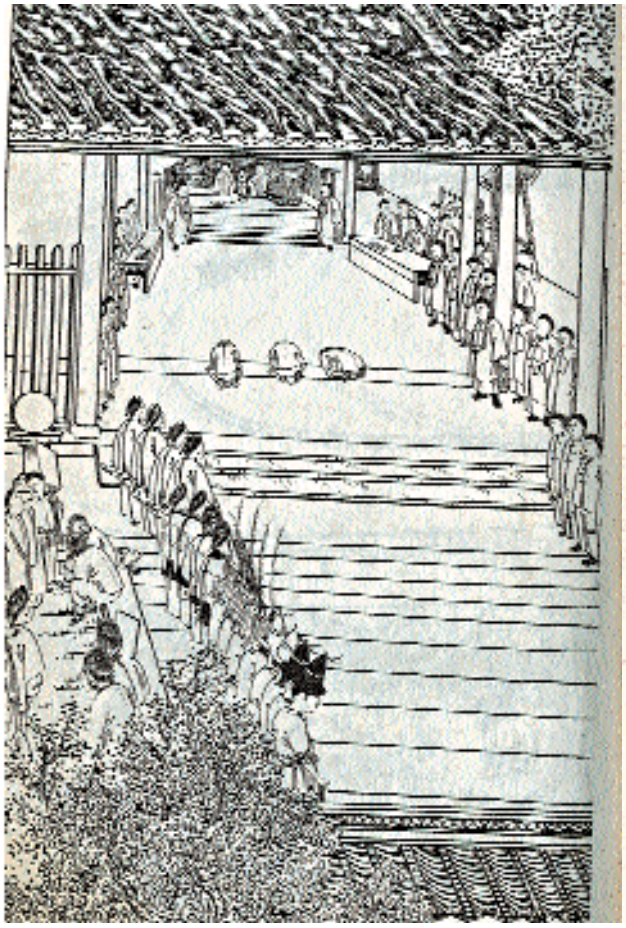


которые существуют и по сей день). Причём «Шэньбао» оказалась своего рода долгожителем: она просуществовала до 30-х гг. XX в., дав жизнь многим побочным издательствам, в том числе и «Дяньшичжай», которое в 1884 г. стало делать иллюстрированное приложение к газете. Это по-своему уникальное издание появилось на свет в 1884 г. И хотя в это же время выходили другие иллюстрированные газеты, к примеру: «Инхуань хуабао» («Вокруг света»), «Фэйингэ хуабао» («Павильон летящей тени»), однако все они вряд ли могли соперничать качеством исполнения и фантазией художников с «Дяньшичжай». Действительно, высокие художественные качества позволяют поставить её в ряд с известными зарубежными изданиями этого типа.

Исследование мирских нравов

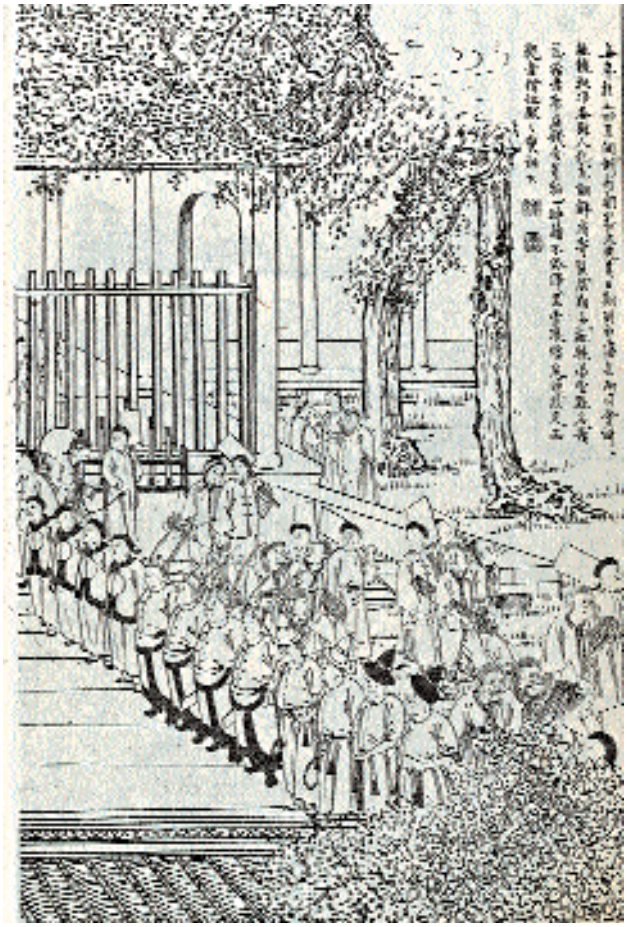
Иллюстрированная газета «Дяньшичжай» появилась в период, предшествующий так называемым «Ста дням реформ» (1898), когда в китайском обществе шла ожесточённая борьба между консерваторами и «прогрессистами» за право воздействия на общественность страны. Китайская пресса стала одним из важных средств политического влияния. Что касается «Дяньшичжай», то она не слишком затрагивала острые и болезненные общественные проблемы, волновавшие общество, хотя полностью уйти от них не могла. Впрочем, как говорилось в первом номере газеты, редакция предпочитала «исследовать мирские нравы», писать «о новостях радостных и тревожных, живописуя их в картинах и прилагая к оным краткое объяснение событий». Такая «иллюстрированная интерпретация событий» и разного рода новостей не могла не привлечь внимания китайского читателя, который желал знать, что творится в стране и мире.

Передо мной лежат несколько книжиц оригинального издания газеты 80-х годов XIX в., каждая из них выполнена в традиционной китайской манере: обложка густого синего цвета (когда-то говорили – кубового) с красной продолговатой наклейкой. Титул представляет собой тонкий лист ставшей уже хрупкой бумаги розового, зелёного и жёлтого (соломенного) цвета. На нём напечатано название газеты с обозначением года выпуска, после чего следуют листы с объявлениями и оглавлением к каждому номеру. Как было принято



«Большая церемония осенней переписи».

«Погоня за славой обернулась позорищем».



Из небылиц: «Небесное воинство сражается с гигантской сороконожкой».

и в старых ксилографах (с досок), иллюстрации и текст напечатаны лишь с одной стороны двойного листа, причем иллюстраций к одному сюжету может быть несколько. Получается своеобразный комикс, который даёт картину в движении и развитии. Текст написан на древнем книжном *вэньяне*, без знаков препинания, что, конечно, затрудняет его понимание.

Обращает на себя внимание необыкновенная красота самих письменных знаков и тщательность, с которой они воспроизведены. «Даже самые крошечные иероглифы, величиной с мушиную головку, написаны исключительно четко», – сказано в одном из предисловий. Многие иероглифы представлены в нестандартном начертании, с элементами местных шанхайских особенностей, что придаёт знакам особую оригинальность. Каждый текст имеет заголовок, обычно состоящий из четырёх знаков, тем самым напоминающий четырёхсложный фразеологизм – *чэнъюй*, только он привязан к сюжету. Например, «Собака и лошадь спасают хозяина», «Вычерпал колодец – достал золото», «Встречают духа, вводят его в храм» и т.д. Привычные для глаз китайского читателя четырёхзначные заголовки отражают общие особенности стиля письменной речи. В общем, они понятны, однако порой несколько загадочны и становятся ясными лишь после прочтения текста и ознакомления с картинкой.

Достоверность того или иного факта подтверждается указанием точного места действия, имени человека. Такая конкретизация (или детализация) объясняется не только спецификой газетного ремесла, но и особенностями традиционной китайской литературы, где литературный факт часто выступал как реалия. Текстам сообщения была не чужда велеречивость, высокопарная риторика, часто они были наполнены морализаторскими сентенциями о долге, сыновней почтительности, что также свойственно старой китайской словесности. Не случайны ссылки на конфуцианские каноны или произведения мудрецов древности. Иначе говоря, иллюстрированная заметка не просто сообщала, но и поучала, что вполне соответствовало традиции.

Многие иллюстрации являются образцами высокой газетной графики и свидетельствуют о незаурядном мастерстве художников. Они фигурируют как под своими именами, так и под довольно замысловатыми псевдонимами, вроде «Аромат золотой жабы» или «Рождённый под коричным древом» и т. д. Подобные псевдонимы не случайны, они часто восходят

к традиционной китайской символике, в той или иной степени связанной с письменной традицией. Например, трехлапая жаба, согласно легендам, живет на Луне, где растёт коричное дерево – своеобразный символ успехов на ниве словесности.

В стиле художников чувствуется огромное влияние традиции старой китайской иллюстрации, которая восходит к творчеству замечательных мастеров XVI–XVII вв. (Чэнь Хуншоу и других). Китайские иллюстраторы XIX в., как и их предшественники, воспроизводят газетный сюжет тонко и изящно, тщательно прорисовывая мельчайшие детали. Картинки человеческого бытия встают перед глазами читателя как ожившие старые фотографии.

Всякая всячина

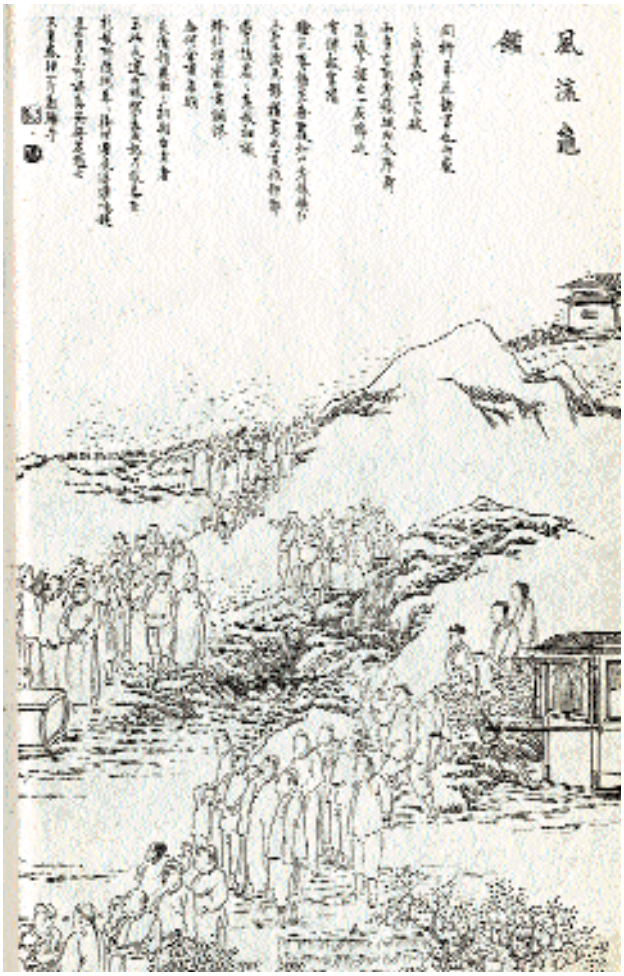
«Дяньшичжай» не имела чёткой структуры или тематики и в этом отношении она отличалась от многих западных изданий. В китайской газете царила полная тематическая и сюжетная свобода, которую можно выразить словами «всякая всячина» – «miscellanea». Одна тема набегала на другую, отличную по сюжету от первой, вторая – на третью и т. д. В такой композиционной чехарде серьёзный и драматический сюжет прекрасно соседствовал с сюжетом комическим или просто небылицей. Впрочем, в этом калейдоскопе сюжетных картинок таилась своя прелесть – так же и лоскутное одеяло привлекает взгляд человека яркостью красок или необычностью подбора разноцветных деталей.

«Черепашье зерцало для ветротекучих».

«Взрезает печень, дабы излечить родителей».

Отдельные стороны современной жизни привлекали особое внимание авторов «иллюстрированных текстов». Прежде всего сюжеты, которые касались быта и нравов самих обитателей Поднебесной. Эта тема в газете поистине неисчерпаемая и была представлена в самых разных вариантах, порой в весьма причудливых формах, что понятно: иллюстрированная газета принадлежала к области массовой культуры и была рассчитана на внешний эффект, сенсационность сообщения (говоря современным языком, это можно назвать «жареными новостями»).

На картинке первой книжки – китаец с ножом в руке, а в отдалении юноша, стоящий на коленях перед открытой дверью. За ней видно ложе, на котором лежит чело-



Другая иллюстрация, заполняющая сразу две полосы, воспроизводит не менее популярный и занимательный сюжет, озаглавленный следующим образом: «Черепашье зерцало для ветротекучих». Непосвященному читателю нелегко понять, что означают эти слова, а сама картинка, лишённая текста, несмотря на ее эффектность, вряд ли что объяснит. На ней изображена группа чиновников и толпа простолюдинов (в старом Китае их называли «людьми в холщовых одеждах»), столпившихся перед столом важного начальника. На столе два цилиндрических сосуда с деревянными плашками. Каждая бирка определяет меру наказания: столько-то бамбуковых батогов и т.п. Видны атрибуты судебного заседания. Перед чиновником на коленях стоит провинившийся, подле него лежит чьё-то тело и рядом гроб. В первых строках текста говорится о «прелестных делишках» некоторых легкомысленных людей, «интересующихся ивами и занимающихся поисками цветов». Ива и цветок – популярный образ певичек-куртизанок из так называемых «весёлых кварталов». Знакомство с ними, как отмечается в тексте, нередко приводит «к развалу семьи и даже смерти человека». Некий ловелас из Сучжоу, «охваченный страстью мотылька и находясь в бешеном угаре шмеля», спустил все свои деньги

«Огненная крыса поджигает жилище».

век, находящийся, по всей видимости, при смерти. У постели больного фигура скорбящей женщины. Иллюстрация как бы воспроизводит эффект кинематографического действия, расчленённого на отдельные фрагменты-картинки. Сюжет озаглавлен «Взрезает печень, дабы излечить родителя». В пространном объяснении говорится, что почтительный сын готов пожертвовать собственным органом, чтобы помочь своему отцу. Для пущего правдоподобия указывается имя славного сына – Тянь, названо место, откуда он родом: Ханьян – город на Янцзы. Чтобы ещё больше ошеломить читателя, автор текста прибегает к литературному приёму – приводит четверостишие:

Сова кричит в ночи,
Тучи, что чёрная тушь.
Почтительный сын схватился за нож,
Он плачет, голова как в бреду.

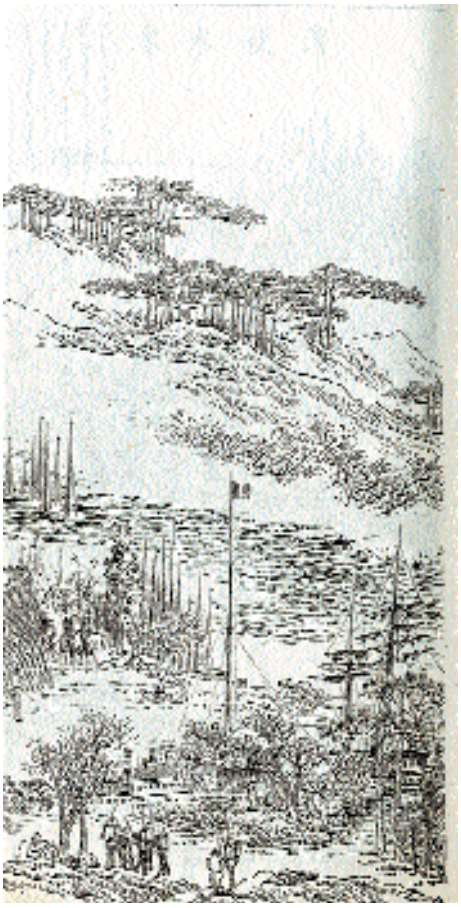
В Китае книги о почтительных детях всегда пользовались среди населения необыкновенной популярностью, поэтому данный сюжет (и другие подобные ему) в газете далеко не случаен.

в известном заведении и, разорившись, покончил с собой. Хозяйка заведения, тайно захоронив труп, скрылась, однако тело нашли, и сейчас (как показано на иллюстрации) идёт следствие. Слово «ветротекучий» (человек «ветра-потока») в заголовке – это образ ветреника и прелюбодея. А «черепашье зерцало» – это своеобразная метафора некоего волшебного зеркала, с помощью которого можно раскрыть тайну или разгадать загадку. Черепаха в Китае считалась не только символом долголетия (или стабильности, прочности), она выражала и некую мистическую силу. Именно в этом смысле её образ нередко встречался в старой китайской прозе. Таким образом, вроде бы несколько загадочный заголовок на самом деле отражает чисто бытовую и довольно банальную жизненную ситуацию.

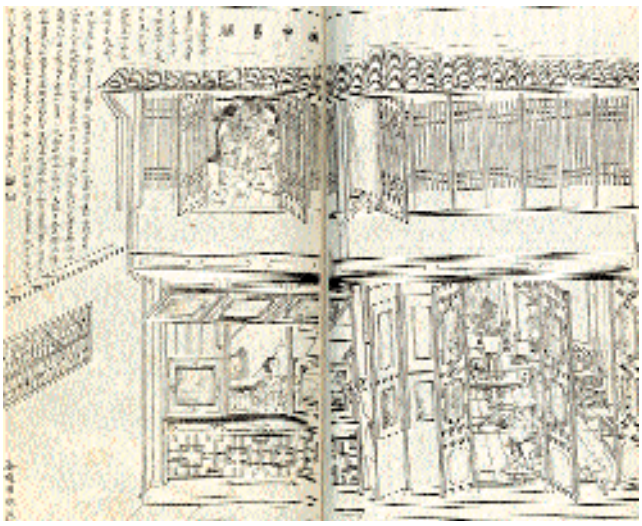
В миниатюре под названием «Огненная крыса поджигает жилище» рассказывается история, которая произошла в городе Вэньчжоу. В одной из лавок приказчики поймали крысу, которую шутки ради подожгли, обмазав неким «огненным маслом». Несчастное животное забилось в щель между дровами, и возникший пожар уничтожил лавку. Изложение незамысловатой истории автор сопровождает разъяснениями и поучениями в стиле старых моралистических сентенций о необдуманных поступках людей и грядущем воздаянии. «Беды и радости врат не имеют, сам человек их вызывает», – такими словами начинается текст. И ещё вывод: «Человек душой чёрствый и жёсткий должен извлечь из сей истории надлежащий урок».

В миниатюрах «Дяньшичжай» китайский быт показан во всём его многообразии и в самых мелких деталях, которые подчас ускользали от внимания авторов «серьёзных» газетных текстов. Одна из таких бытовых историй называется «Содеял кражу, дабы обрести удовольствие». Выражение «обрести (или «искать») удовольствие» в Китае имело вполне прозрачный смысл, оно означало «завести интрижку на стороне» или «наведываться в заведение певичек». В данном случае речь идёт о молодом приказчике, который служил у шанхайского торговца мукой. Соблазнившись хозяйским богатством, парень украл у него 300 даянов (по тому времени весьма солидная сумма) и отправился веселиться к куртизанкам. Три дня он не вылезал

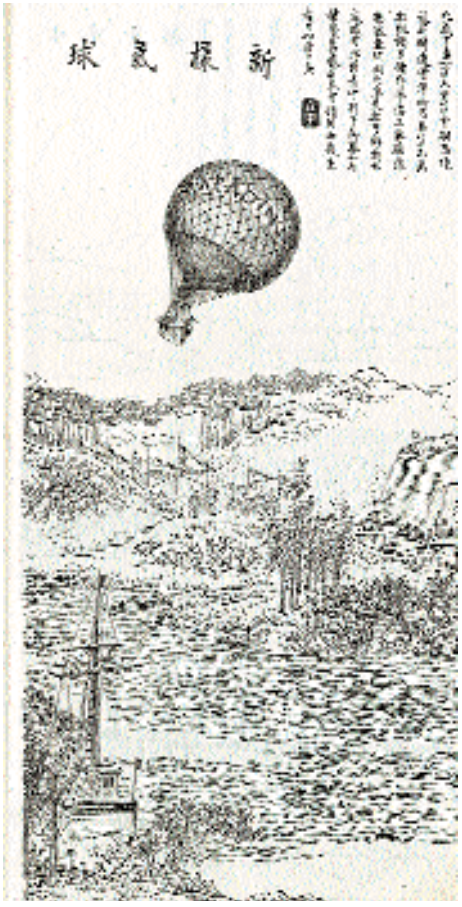
«Содеял кражу, дабы обрести удовольствие».



«Во время болезни заменили ногу».



«Французский воздушный шар «Саладин» над китайским городом».



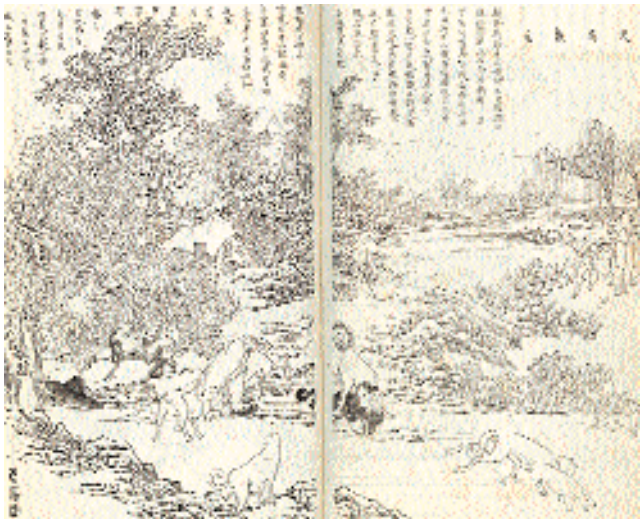
из «пещеры дымных цветов» (одно из образных названий публичного дома), пока кто-то из постояльцев не донёс на вертопраха в *буфан* – «арестный дом». А начинается рассказ с очень серьёзного и нравоучительного пассажа, своего рода предупреждения блудодеям.

На картинке с большими подробностями изображён интерьер заведения. Незадачливый герой держит кальян, рядом с ним находится прелестная гетера со служанкой, ещё одна женщина рассматривает висящую на стене лютню *пипу*. У дверей – фигура мужчины, очевидно, хозяина лавки, узнавшего о краже. Содержание картинки намекает на близкую и неизбежную развязку.

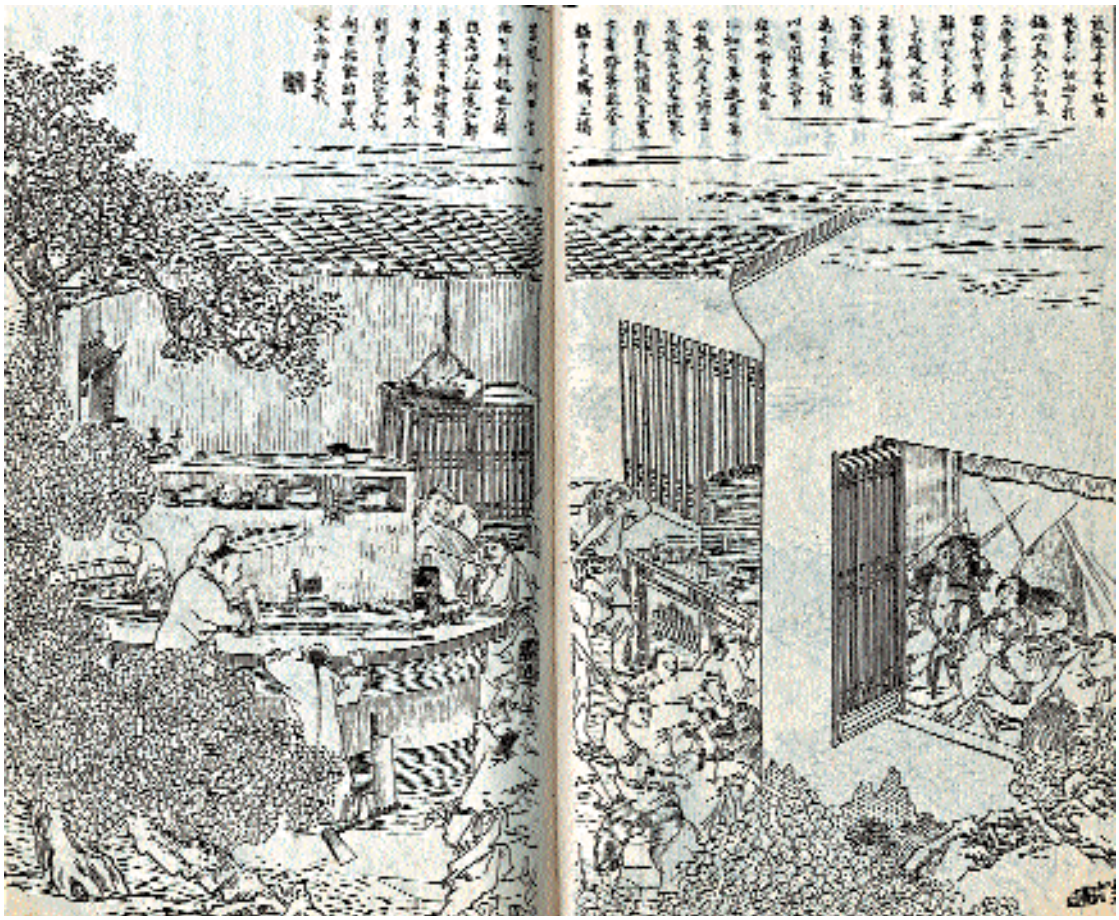
На страницах газеты часто встречаются сюжеты чисто уголовного характера: судебные тяжбы, разбирательства запутанных дел, поиски мошенников или арест преступников. Вот одна история с замечательным заголовком «Узрел богатство, возник план». Интересно, что в данном случае перед читателем предстаёт не просто иллюстрированная заметка, а небольшой рассказ, воплощённый в «панорамную картину» на четырёх газетных листах. Текст открывается словами: «В тридцати с лишним ли к востоку от Янчэна (Янчжоу) возле местечка Мацзяцяо («Мост семьи Ма») есть небольшое поселение, где путники могут найти пристанище. Слева от моста находится лавка, в которой продают лепешки, а рядом расположен рыбный ряд и питейное заведение, в коем предлагают и закуски...» В подтверждение сказанного на рисунке возле лавки виден длинный шест с флажком, на котором можно прочитать слова: «Продажа вина».

Сама история достаточно драматичная. Два торговца (жители провинции Хунань), уставшие от утомительного пути, решили отдохнуть. Один из путников направился на поиски места для ночлега, а второй зашёл в лавку выпить вина. Хозяева заведения (муж и жена), заметив, что гость при деньгах, решили убить его и ограбить. На рисунке жена тянет торговца за волосы, а муж заносит над ним нож. Чтобы замести следы (а обо всем этом рассказывается в тексте) злодеи поступили с жертвой так же, как некогда в древности произошло с Чэнь Пином, которого, разрезав на куски, бросили в котёл (данный сюжет встречается

«Собака и лошадь спасают хозяина» (фрагмент).



в средневековой прозе). Вернувшемуся из селения второму торговцу хозяева лавки сказали, что его компаньон, дескать, не дождался своего товарища. Но тут совершенно неожиданно хозяйская собака притащила откуда-то одежду убитого, и таким образом преступление раскрылось. Автор воздаёт похвалу смышлёному псу. «Сия собака обладала воистину волшебным даром», – пишет он. Рассказанная и изображённая история напоминает старые судебные повести *гунъань* – «истории о судебных делах», весьма популярные в средневековом Китае. В них говорилось о совершённом преступлении и его раскрытии благодаря мудрости и особому дару проницательных судей Ди, Бао или Хай Жуя. Кстати, на основе судебных историй танского судьи Ди писал свои детективы известный голландский китаевед Ван Гулик.



«Узрел богатство, возник план».

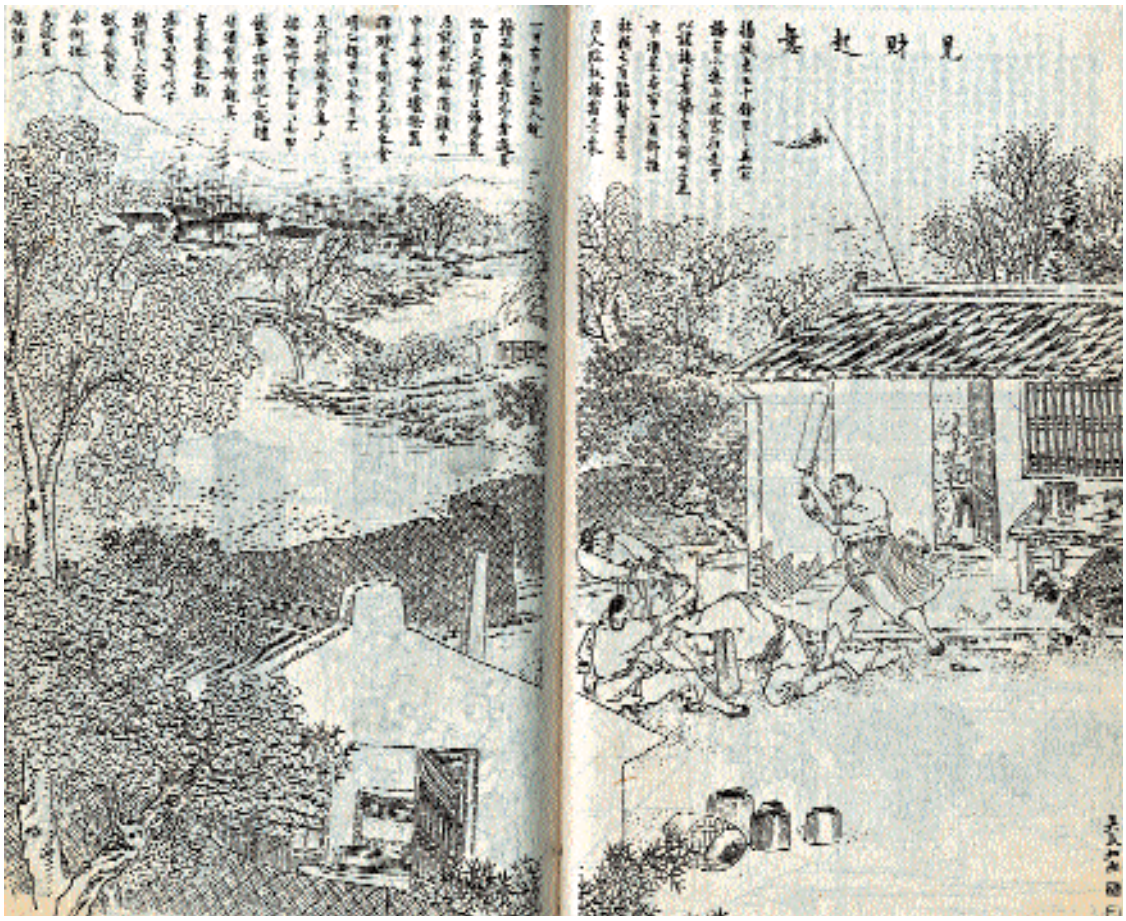
Появление собаки в приведённой истории вовсе не случайно. Это своеобразная дань традиционной литературной теме о существах животного и пернатого мира, помогающих человеку, совершившему добрый поступок, или карающих его за содеянное зло. На страницах иллюстрированной газеты подобные истории встречаются неоднократно. Одна из них называется: «Собака и лошадь спасают хозяина». Некий винолюб, изрядно выпив хмельного зелья, свалился под деревом и уснул. И если бы не его верная собака, дикие псы, водившиеся в округе, могли бы растерзать бедолагу. Но история на этом эпизоде вовсе не заканчивается. В ней далее говорится об одном лошаднике, у которого два проходимца решили похитить его животных. Умные лошади, не признав чужаков, принялись их лягать. Прибежал хозяин с соседями, и конокрадов отправили в местный *ямынь*, то бишь в суд.

История распадается на несколько частей, каждая из которых проиллюстрирована. Автор заключает: «...бывают люди, готовые пожрать чужое добро, а значит они хуже животных».

В старой китайской газете события реальной жизни удивительным образом сочетаются с разного рода чудесами. Это не только дань традиции, уходящей в далекое прошлое. Это и наивное убеждение людей

(возможно, и самих газетчиков), что чудесное действительно существует в современной жизни. Не случайно китайская культура (литература) вплоть до XX в. находилась в значительной степени под влиянием старых представлений. В сюжете под названием «Во время болезни поменяли ногу» рассказывается о торговце плетёными изделиями из Ханчжоу, которого разбил паралич. Однажды ночью в его комнате появился странный человек – черноликий, толстый коротышка, на плече которого висела человеческая нога. Пришелец быстро исчез, а перепуганный хозяин тут же позвал жену и рассказал ей о странном визите и чуде, которое с ним произошло: его немощные ноги вдруг оказались здоровыми, как и прежде. Странный гость, изображённый на одной из четырех картинок-страниц, мало похож на китайца. В тексте же говорится, что хозяева были уверены, что больного навестил посланец из иного мира, а потому решили никому не сообщать об этом происшествии.

Некоторые сюжеты напоминают волшебные истории знаменитого новеллиста Пу Сунлина (Ляочжая), который черпал сюжеты своих рассказов из богатейшего кладезя древних легенд. Подобным рассказам о чудесах отдавали дань и литераторы XIX в., например, известный имитатор Ляочжая и переводчик Ван Тао. На страницах иллюстрированной газеты можно встретить единорогов и фениксов, странных чудовищ и дивных птиц, лисоборотней. Как вполне реальное событие преподносится небылица под названием «Сине-зеленая птица приносит письмо». Необычная птица с пышным хвостом, несущая в клюве «фиолетовое послание»,



летит к сонмищу небожителей – даосских святых, среди которых находится бог долголетия Шоусин, Небесный Князь Первозданного, «парящий в лазоревой дымке», и другие божества, окружённые таинственными существами. Сюжет картины выражает идею благовестия, что отражено в названии послания (цвет *цзы* – «лиловый», «фиолетовый» считался знаком счастья), в картине сонмища даосских божеств, в упоминании о «небесном футляре» – хранилище священных даосских книг.

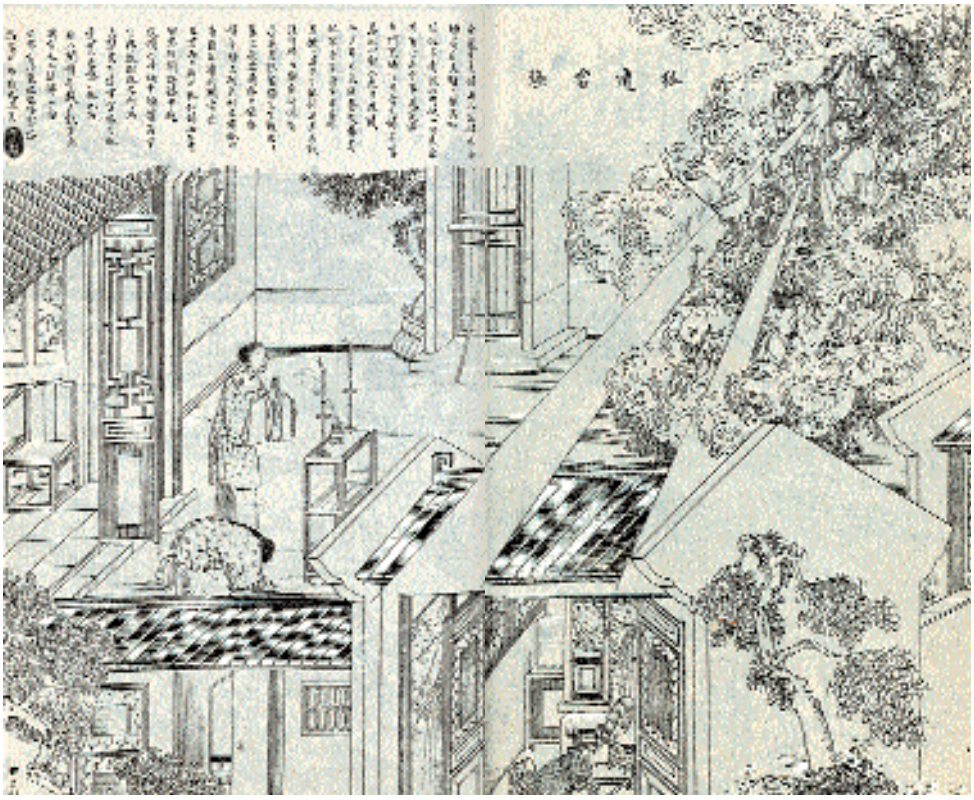
Сюжет, достойный пера незабвенного фантазера Пу Сунлина, представлен в истории под заголовком «Лиса вызывает громовую кару». По существу это миниатюрный рассказ, в котором героями являются легкомысленная замужняя кокетка и лис, принявший облик молодого обольстителя. В Нанкине некие супруги имели свое торговое дело, которое шло довольно успешно, чего нельзя сказать об их личных взаимоотношениях. Однажды муж уехал куда-то по своим делам, и вскоре у дверей их лавки появился юноша-красавец, который «заметив привлекательную женщину, вперился в неё взглядом. Приятная внешность незнакомца тронула сердце хозяйки, и уже ночью гость оказался в её спальне». Их любовная связь продолжалась до тех пор, покуда у женщины не вырос живот и не выяснилось, что будущий отец не простой смертный, а бес. Родители женщины потребовали от неё немедленно избавиться от бесовского плода, и она выкинула его в отхожее место. Лис пришел в ярость, а испуганная женщина обратилась с мольбою к Небу. По счастью, «небесное зерцало оказалось недалеко», гром и молния настигли блудодея, «посмевшего творить безобразие в женских покоях». Как водится, в конце иллюстрированного рассказа следует мораль: «Всё это произошло от того, что женщина в какой-то момент поддалась греховным помыслам, а посему тем, кто имеет прельстительный облик, следует воздержаться от сластолюбивых желаний и соблюдать строгие запреты».

Любопытен фрагмент в верхней части рисунка, где изображено небесное воинство, напоминающее апокалипсическую рать на гравюрах Дюрера. У некоторых небесных витязей видны перепончатые крылья, в руках они держат мечи и палицы, а у одного из них странное оружие в виде колеса с отверстиями, из которых вырываются языки пламени в сторону существа, похожего на лиса.

Большие церемонии

Темы, затрагивающие общественную и политическую жизнь, представлены в газете самыми разными сюжетами, иллюстрирующими быт и нравы государственных учреждений, а также памятные события, происходившие в разных городах страны. На первых страницах одной из книжиц предлагается сюжет «Большая церемония Осенней переписи». В старом Китае весной и осенью проходили многоступенчатые государственные экзамены,

«Сине-зелёная птица приносит письмо».



«Лиса вызывает громовую кару».

отбор на административные должности, ревизия деятельности чиновников и т. д. В данном случае речь идёт о проверке чиновного персонала на предмет выявления казнокрадов, взяточников и прочих лихоимцев. Её обычно осуществляли высокие должностные лица – *фуюани* (буквально «поддерживающие оглобли»), которые выясняли характер преступлений и определяли меру наказания.

На картинке столичный ревизор сидит на возвышении за массивным столом, по двум сторонам лестницы выстроились в ряд гражданские и военные чины в казённых одеждах, а также служащие ямыня, то бишь присутственного места. Кто-то из них скоро предстанет перед грозными очами начальника. Такая церемония проводилась как своего рода театрализованное действо или «загробная мистерия», поэтому в тексте говорится о «преображённой картине» *бяньсян*, которая воспроизводила суд над грешниками в ином мире. На иллюстрации мы видим одного из провинившихся, на шею которого накинута петля, а концы веревки тянут в разные стороны экзекуторы. Подобные картинки часто встречались и в лубках мистериального содержания, похожие сюжеты встречаются в иллюстрированной газете.

К актуальной в старом Китае теме государственных экзаменов *кэцзюй* имеет отношение история «Погоня за славой обернулась позорищем» (эта система существовала много веков и была отменена лишь в начале XX в.). Ради получения звания чиновника и выгодного места претенденты шли на разного рода махинации. В данном случае речь идёт о некоем абитуриенте – *вэньтуне* (буквально «литературный отпрыск») из провинции Гуандун, который смошенничал на экзаменах. Он вызвал ярость экзаменатора, и тот выставил его «на обозрение толпе». Как говорится в тексте, «стремление к славе» обернулось для бедолаги позором. На иллюстрации изображён зал, где проходит разбирательство подобных дел, о чём свидетельствует и надпись: «Яшмовый аршин отмеряет таланты». За столом сидит экзаменатор при всех регалиях, возле него группа чиновников, один из которых держит свиток – список провинившихся. Проштрафившийся же стоит на коленях и на него вот-вот должны надеть тяжёлую *кангу*.

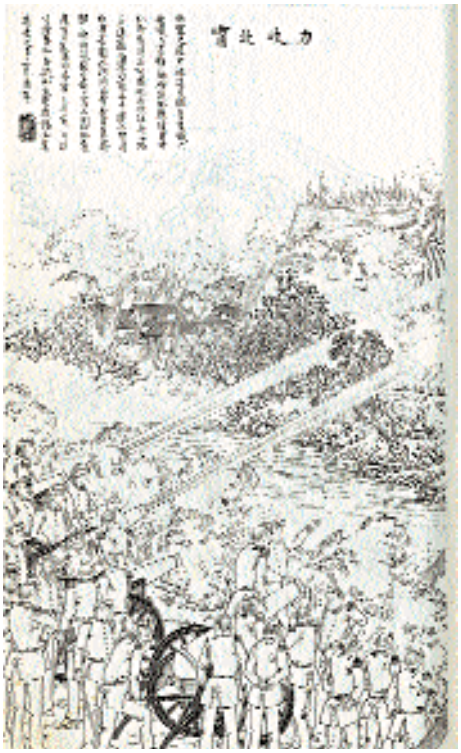
Следующий сюжет несколько иного содержания, но также отражает чиновное бытие маньчжурской эпохи. Он называется «Думы об ушедшем – запись проводов». На двух страницах изображён интерьер

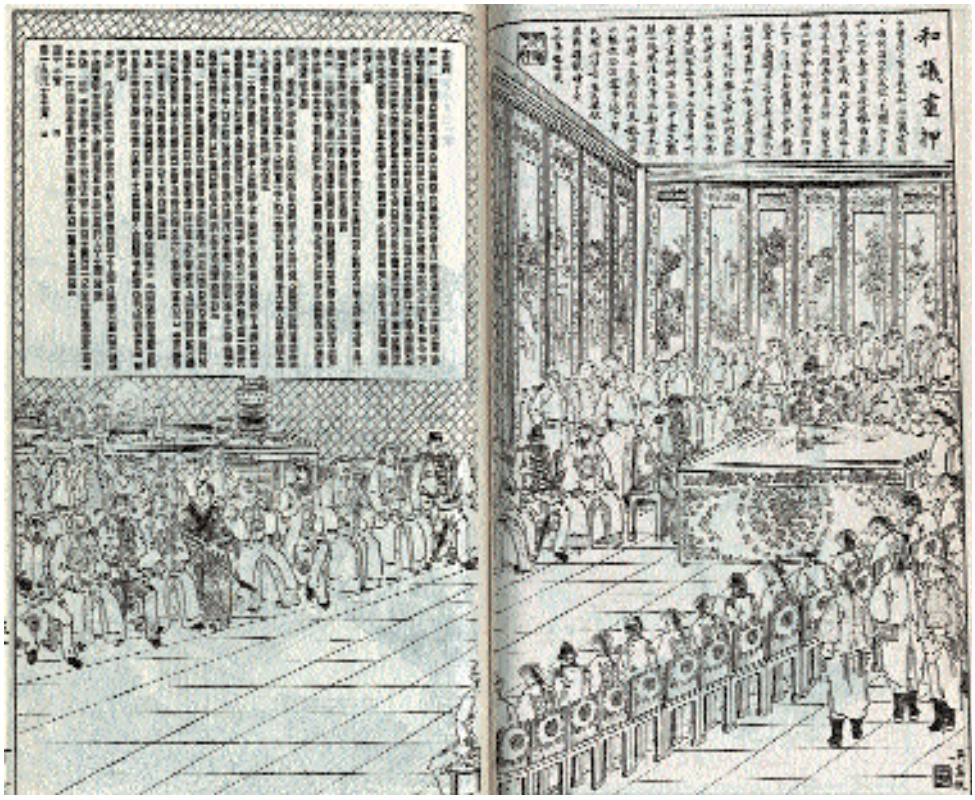
«Думы об ушедшем – запись проводов».

жилища крупного чиновника. Сам он сидит в широком резном кресле, позади горят две свечи, заключённые в стеклянные цилиндры, на стене картина с изображением журавля – символа благовестия и счастья. Перед ним его подчинённые, на их лицах скорбь, некоторые даже отирают рукавом халата слёзы. Из текста ясно, что это сцена расставания начальника, покидающего свой пост, со своими подчиненными. В Китае эта традиция нередко завершалась установлением торжественной стелы, которая выражала «думы об ушедшем». Сюжет расставания с «добродетельным мужем» весьма популярен в «Дяньшичжай»

Иллюстрированная газета не обошла стороной и актуальную для Цинского двора тему взаимоотношений с западными странами, которые были далеко не безоблачными. В 70–80 гг. XIX в. происходили постоянные столкновения Китая и Франции из-за Аннама, осложнились отношения с Англией и Россией. Эти проблемы по-своему отразились в китайской прессе и, в частности, в иллюстрированной газете, хотя в ней они и не имели острого политического звучания. В четвёртой книжке запечатлена церемония подписания договора между Китаем и Францией в апреле 11 года эры Гуансюй (1885 г. по западному стилю). Иллюстрация называется «Подписание договора о мире». На ней представители двух стран – Ли Хунчжан и французский консул, дипломаты европейских держав, а также США и Японии. Помимо основного текста, в котором кратко говорится об истории взаимоотношений двух государств, приложен ещё официальный текст договора из десяти статей. Поражает каллиграфическая четкость миниатюрных иероглифов, которая прекрасно сочетается с тонкой прорисовкой деталей основной картины церемонии.

«Мощная атака к северу от Нанкина».



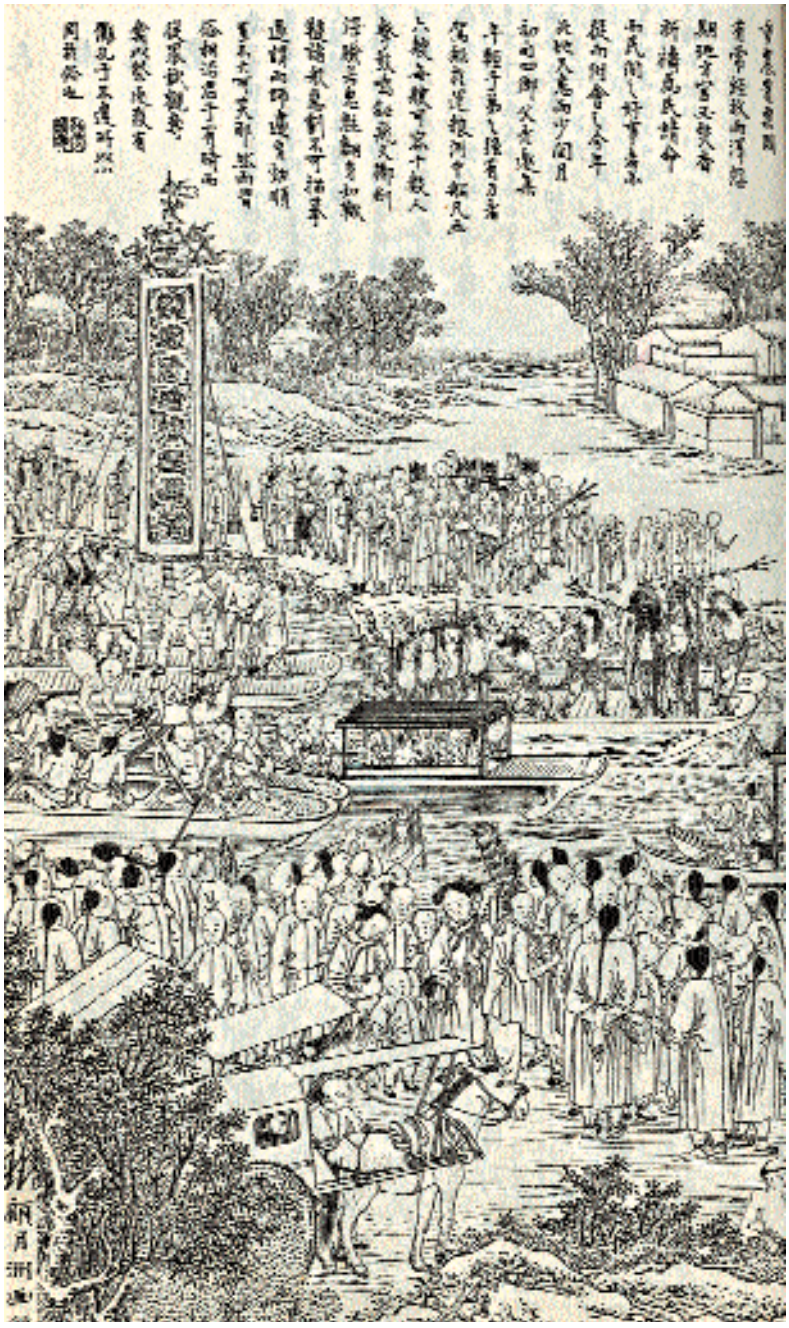


«Подписание договора о мире».

К «церемониальной иллюстрации» можно отнести и картины храмовых ритуалов, занимавших важное место в общественной и культурной жизни страны. Торжественные шествия и молебны, мистические действа красочно описаны в исторических памятниках и произведениях литературы. Картины этих торжеств можно увидеть на страницах «Дяньшичжай». В четвёртой книжке изображена панорама храмового двора (очевидно в Пекине), заполненного конфуцианскими учеными-книжниками. В мельчайших подробностях представлены разные атрибуты церемонии, например, инструменты её музыкального сопровождения (колокола, металлические подвески-пластины и т. д.). Сюжет назван «Торжественный и жертвенный обряд “Дин”». Слово «дин» – четвёртый знак десятеричного цикла, означающий и определённый день по лунному календарю. В этот день второго и восьмого месяца в храмах проходили церемонии (и подношение даров) в честь Верховного мудреца Кун-цзы. Под гул колоколов и звон гонгов Первоучителю возносятся жертвы. «Служащие ямыней, преисполненные возвышенными и искренними чувствами, совершают великий торжественный ритуал», – говорится в объяснении к иллюстрации.

Несколько иной, но не менее пышной была церемония обращения к Небу с мольбой о даровании дождя. Она возникла в древности и дошла до XX в., не потеряв своей торжественности, о чём говорит участие в ней и Сына Неба. Молебны происходили во всём Китае, причём не только в храмах, но и в уездных или областных управах – ямынях. Подобный сюжет представлен на иллюстрации, озаглавленной «Столичный град испрашивает дождь». В тексте

довольно подробно говорится о содержании церемонии. «В первую декаду високосного месяца сельские старейшины из окрестных деревень собрали молодых людей, наиболее крепкие из них спустили на воду шесть лодок, в которых обычно перевозят зерно. Но сейчас на каждой разместились несколько десятков человек. Они колотят в барабаны, бьют в звонкие гонги-*чжэны*, размахивают мечами. Некоторые, размалевав лица наподобие демонов, кувыркаются и прыгают». Автор, судя по его тону, не слишком одобряет такие балаганные сцены, более свойственные «низкому быту», а не серьёзному ритуалу. Однако в жизни подобные торжества зачастую превращались в театрализованные представления, маскарадные шествия и пантомимы, пользующиеся популярностью далеко не только среди простолюдинов. На картине видно, что «дождевые наставники» (жрецы-священнослужители) как бы оттеснены на второй план, а на авансцене этого своеобразного театра выступают циркачи-скоморохи, которые вертят мечами, трезубцами, крутятся на бамбуковых перекладинах. Причём вид у них действительно далёк от серьёзного характера церемонии: волосы распущены, торс полуобнажен и т. д. На двух сцепленных лодках стоят другие участники ритуала. Один из них держит хоругвь, другие – шесты с буддийскими эмблемами. На берегу толпятся богомольцы или просто зеваки. Изображённое великолепно передаёт атмосферу гулянья и напоминает знаменитую картину эпохи Сун «Праздник Чистых и Светлых дней у реки». На свитке была изображена церемония в день *Цинмин* – Поминовения усопших, а по существу показана жизнь города в разнообразных сценах быта людей.



«Столичный град молит о дожде».

Интересный сюжет – торжество по случаю праздника «Дуаньуцзе», который отмечается в пятый день пятой луны по лунному календарю. Он посвящён и памяти великого поэта древности Цюй Юаня, утонувшего в реке Мило. Кроме молебна и обращения к духам, в ритуал включается состязание на «драконовых ладьях», поскольку по легенде поэт оказался в царстве водяного дракона. Соревнование происходит на озере Уху в торжественной обстановке. На рисунке изображена ладья с драконовой мордой на носу лодки, каюта украшена

флагами и знаками благополучия. На озере множество других челноков и судёнышек, а на берегу толпятся оживлённо разговаривающие люди. Торжественность обстановки нарушена неожиданным происшествием: подвыпившая компания в хмельном азарте перевернула лодку. Кто-то сумел доплыть до берега, остальные барахтаются в воде, взывая о помощи. Отсюда понятен и заголовок: «По следам мудреца Цюя». Ведь, как следует из текста, спаслись не все. Автор завершает историю очередной нравоучительной концовкой: «Существуют люди, испытывающие страх к воде, но они порой проявляют легкомысленность и неосторожность, а потому многие из них гибнут!»

Новости из-за рубежа

Иностранная тема в 80-х гг. XIX в. перестала быть в Китае редкостью, каковой она воспринималась несколькими десятилетиями раньше. Страна постепенно отходила от политики изоляционизма и приобщалась к реалиям западного мира. Этому способствовали многие факторы, например, посылка молодых китайцев на учёбу в Европу, довольно оживлённая дипломатическая деятельность маньчжурского двора, развитие прессы и переводческого дела и т. д. Зарубежная жизнь вызывала у китайцев значительный интерес, тем более, что среди новостей попадались серьёзные политические сюжеты: дипломатические акции маньчжурского правительства, военные кампании, коллизии в правительствах разных стран. Нередко сообщения из-за рубежа приобретали довольно комический и наивный характер, порой даже выходили за рамки правдоподобия. Но таковы были условия жанра и не слишком высокий культурный уровень общества того времени. География сюжетов отличалась изрядным многообразием: европейские страны, Япония, Россия. Среди материалов встречались и портреты (словесные и живописные) известных деятелей. Едва ли не самое большое внимание было уделено юбилею британской королевы Виктории. Много страниц было посвящено недавней франко-китайской войне, техническим достижениям западных стран: опыты с подводными аппаратами, использование мин и торпед, полёты на шарах-монгольфьерах.

Разумеется, газета не обошла стороной уголовную хронику: грабежи, мошенничества, убийства, о чём писала и западная пресса. В это же время появились сюжеты о террористах, в том числе о русских народовольцах. Нелишне заметить, что несколькими годами позже их деятельность была отражена в литературных произведениях, а некоторые российские революционеры, например Софья Перовская, стали необыкновенно популярными среди радикальной китайской интеллигенции, как и персонажи времён Французской революции..

Сцена военных действий между Францией и Китаем называется «Мощная атака к северу от Нанкина». Французские части при поддержке артиллерии атакуют город, за стенами которого находятся китайские войска, их знамёна видны из-за городской стены. Этот сюжет как бы продолжается в другой иллюстрации «Легко проникли в важное место». Французский отряд закрепился в городе, а рядом с ним китайцы устроили засаду, их видно за горой. Окрестное население в панике разбегается в разные стороны.

Военная тема занимала в газете значительное место до тех пор, пока не закончились двусторонние переговоры. В иллюстрации под заголовком «Успешное решение вьетнамских дел» и в самом тексте читатель знакомится с подробностями переговорного процесса, который не раз находился на грани срыва, однако «душа Неба не терпит хаоса, потому и судьба мира повернулась в благоприятную сторону». На иллюстрации изображены государев посланник Ли, французский дипломат, зачитывающий документ, французские офицеры, китайские чиновники из окружения китайского посланника. В креслах сидят важные китайские сановники и дипломаты-европейцы. Все детали интерьера залы, одежда участников церемонии, эмблемы и знаки чиновных лиц изображены почти с фотографической точностью.

Западные достижения в области науки и техники представлены во многих иллюстрациях. Это сюжет под названием «Лодка, двигающаяся по дну моря», на другой иллюстрации – воздушный шар-разведчик, который использовался в военных целях французами в Китае. Шар «Saladin»

«По следам мудреца Цюя».

летит над рекой в сторону китайского города, за его полётом следят французские военные и китайцы, которые прячутся за домами и деревьями. В газете представлен и быт западных городов: улицы с толпами людей, здания, разные средства передвижения (паровозы, пароходы, конки, дилижансы). О них часто писали китайцы, впервые побывавшие на Западе.

Многие интересные сюжеты относятся к жизни иностранцев в самом Китае. Например, западные сеттльмены в Шанхае и других городах, повседневный быт, развлечения иностранцев в Пекине, Тяньцзине. Эти чисто бытовые сюжеты представляют большой исторический и этнографический интерес. Они напоминают старые почтовые открытки с видами городов Европы (разумеется, сильно стилизованные), великолепно передающие атмосферу старины. Например, на одной из иллюстраций изображена сцена конных состязаний (очевидно, в Шанхае) под названием «Запись торжеств конных состязаний». Судя по толпе зрителей, скачки вызывали большой интерес среди китайского населения, который к тому же подогревался лотереей, об условиях которой говорится в тексте. Показаны в газете и собачьи бега, и даже коррида.

Подобных сюжетов в «Дяньшичжай» можно найти множество: где-то случился пожар, там произошла кража или потасовка, по улицам провели слона или где-то показали мощи Будды и т. п. Все эти «мелочи жизни», запечатлённые в рисунках, представляют уже далёкую от нас эпоху, однако они интересны читателю и по сей день.

The Lithographer's Pictorial

Dianshizhai huabao, **an illustrated newspaper that was wide known and popular in China, played a great role in the development of publishing in 1880es and later. The paper was remarkable in combining printed text and illustrations, which increased its appeal to readers. Its texts varied in subject from serious aspects of domestic and foreign policy of the Manchu Kingdom to the minute details of the people's daily life. Quite a few illustrations depicted life outside China, which especially interested local readers. These fine and elegant illustrations followed traditions of Chinese painting and calligraphy.**

Dmitry Voskresensky,
is a Professor at the Maxim Gorky Literary Institute and an Associate Professor at the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University.